

ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО „ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА“

Допрос подсудимого Рыкова

(ОКОНЧАНИЕ)

Рыков. Когда я это писал, я преследовал цель охарактеризовать окончательные политические результаты.

Председательствующий Ульрих. Результаты таковы, что ваша организация в Белоруссии превратилась в экспозицию польского генерального штаба.

Рыков. Это есть формулировка политического результата, а не определенных организационных отношений.

Председательствующий Ульрих. Ваши организации в Белоруссии развращались вредительскую работу в сельском хозяйстве, в строительстве дорог по заказу польского генерального штаба?

Рыков. Мне известны два случая со слов Голодеда — это относительно конского хозяйства и второе относительно коров.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 4 МАРТА

Допрос подсудимого Шаранговича

Председательствующий Ульрих. Подсудимый Шарангович, вы подтверждаете ваши показания, данные на предварительном следствии?

Шарангович. Полностью подтверждаю. Позвольте мне рассказать все последовательно. Изменником родился я стал в августе 1921 года и был ям до ареста. В августе 1921 года, после заключения мира с Польшей, я возвращался из польской тюрьмы, в порядке обмена, как заложник с группой осужденных. Я остановился в Варшаве. В Варшаве нас вызывали поочередно в советское посольство, чтобы вынести лицо каждого из нас. В советском посольстве работала тогда некто Вноровский. Этот Вноровский занимал меня, что поляки не хотят меня выпустить и что они смогут это сделать только в том случае, если я дам согласие работать в польской разведке. Я это согласие дал и после этого польской разведкой был переброшен в Советский Союз. По прибытии в Минск этим же Вноровским я был связан с ответственными резидентом польской разведки Богутским, который занимал тогда ответственный пост в Белоруссии. Богутский уехал из Белоруссии в 1923 году и перед отъездом связал меня с ответственными польскими резидентами, занимавшими тогда в Белоруссии тоже довольно ответственное положение, — Славинским.

Я тогда работал в Белоруссии с половины 1923 года и до половины 1924 года старшим помощником прокурора республики. Через меня проходило много дел, шпионских и других дел более важных. По заданию Славинского я информировал его о состоянии этих дел и о лицах, проходивших по ним.

В начале 1926 года я уехал из Белоруссии в Сибирь, и у меня связи с польской разведкой временно оборвались. Оставался я, конечно, агентом польской разведки, но конкретно каких-нибудь заданий я не получал. Возобновились эти связи — в более активная чем предыдущая — в конце 1923 или в начале 1923 года конкретно с помощником одного из иностранных государств, граничащих с Белоруссией. Это было уже после того, как я выступил в национал-фашистскую антисоветскую организацию в Белоруссии.

В национал-фашистскую организацию я был завербован Голодедом и Чернышевцем в начале 1932 года. Голодед подробно информировал меня о составе этой организации и о том, что эта национал-фашистская организация связана с московским центром правых, получает от него директивы, персонально от Рыкова и Бухарина. Основную цель национал-фашистской организации в Белоруссии Голодед коротко формулировал так: свержение советской власти и восстановление капитализма, отторжение Белоруссии от Советского Союза в случае войны с фашистскими государствами. Что же касается методов и средств, то сюда входили: вредительство, диверсия, террор.

Особенно Голодедом была подчеркнута необходимость установления, в целях осуществления этих задач, тесной связи с польским генеральным штабом.

В ноябре 1932 г. в Москву ездили Голодед и Чернышев. Они встречались с Рыковым и Бухариным, при чем я должен сказать, что, насколько мне известно, Чернышев был связан с Рыковым еще с 1928 года, а Голодед — с 1930 г. Помню, после поездки Голодеда и Чернышева в 1932 г. в Москву, когда они возвратились, у нас было в Минске совещание центра нашей организации в полном составе, где они и информировали нас. Информация эта сводилась к тому, что и Рыков, и Бухарин подтверждали все свои прежние установки для нашей организации, вызывая недовольство слабой деятельностью нашей организации. Там же в Москве был дан ряд конкретных установок, в первую очередь по вопросам вредительской, диверсионной деятельности и, во-вторых, — относительно

Председательствующий Ульрих. Почему понадобилось польской разведке давать задания — проводить вредительскую работу в строительстве дорог?

Рыков. Это, очевидно, для затруднения продвижения наших войск на защиту границ советского государства.

Председательствующий Ульрих. Факт этот изм. нет, что организация правых на территории западной Белоруссии насаждала провокаторов в зарубежные коммунистические организации?

Рыков. Это верно.

Председательствующий Ульрих. Скажите, подсудимый Рыков, когда вы давали показания о работе организации правых на Северном Кавказе, вы упоминали, что вы имели дело с белогвардейской организацией казачества?

Рыков. Я здесь упустил показать о казачьей организации правых, которая

была там создана. Присутствие в ее создании в период 1930—31 года. В дальнейшем об организации работы в казачьей организации меня информировал Пивоваров. Туза входили, кроме казаков, резиденты, которые, как говорил Пивоваров, сохранили связи с оставшимися за границей остатками казачьих армий и в своей работе получали помощь от этих казачьих белых армий. Через них и с ними были разговоры о том, что если дойдет до восстания в Средней Азии, то эти самые остатки казачьих организаций за границей обещали даже помощь при помощи десанта. Вот что я знал от Пивоварова относительно казачьих организаций.

Председательствующий Ульрих. А десант предполагался в каком составе, белоэмигрантский?

Рыков. Я сказал остатки казачьих белых армий за границей.

указания и установления более тесной связи с польским генеральным штабом.

Вышинский. Расскажите конкретно о вашей преступной деятельности в области вредительства.

Шарангович. Мы ставили перед собой задачу наиболее широко развернуть вредительство во всех областях народного хозяйства.

Вышинский. В каких целях?

Шарангович. В целях подготовки поражения СССР и в целях создания недовольства населения в стране.

Вышинский. В целях провокационных?

Шарангович. Конечно.

Вышинский. В чем же выразилась конкретно ваша преступная деятельность?

Шарангович. Я занимался вредительством, главным образом, в области сельского хозяйства. В 1932 году мы, я и лично, в этой области развернули большую вредительскую работу. Первое — по срыву темпов коллективизации. Мы организовывали выходы из колхозов. Затем мы запугивали посевные площади. Кроме того мы организовали срыв хлебозаготовок. В 1932 году были нами распространены чума среди свиней, в результате чего была большой падеж свиней.

Наряду с этим мы проводили организацию совхозов в республике за счет земель колхозников и единоличников.

Вышинский. С нарушением интересов колхозников и единоличников?

Шарангович. Конечно, да. Позднее несколько, по линии сельского хозяйства была проведена нами вредительская работа в области наделения колхозников причисляемыми участками.

Я должен особо остановиться на вопросе относительно единоличников, потому что это связано с планами нашей национал-фашистской организации. В Белоруссии в этот период еще насчитывалось около 100 тысяч единоличников. Нами была дана такая установка, что раз единоличник не идет в колхоз, то он является врагом советской власти. Это было нами сделано в провокационных целях, к единоличникам, сопротивлявшимся коллективизации, мы, исходя из своих провокационных установок, применяли такие налоговые мероприятия, которые создавали среди единоличников недовольство и повстанческие настроения.

Вышинский. Вы не упоминаете Лепельского дела?

Шарангович. Я это все и связываю с Лепельским делом. Лепельское дело, если можно так выразиться, было просто эпизодом в цепи нашей подрывной работы. В Лепельском деле вредительство выразилось в том, что там нами на единоличников было особенно сильное. Потом, когда ЦК ВКП(б) принял соответствующие меры для исправления того, что было нами сделано, то положение изменилось. Настроение у единоличников, у той части, которая была спровоцирована, резко улучшилось.

Я хочу сказать относительно нашей диверсии в области коневодства. В 1936 году в Белоруссии была нами широко распространена анемия. Конь в Белоруссии играет огромное оборонное значение. Мы стремились подорвать эту сильную базу в случае, если она понадобится в связи с войной.

Вследствие этой меры пало, насколько и помню сейчас, около 30 тысяч лошадей. Я должен сказать, что эту меру относительно лошадей мы провели не только по своей инициативе.

Вышинский. А еще по чей?

Шарангович. Мы имели прямую установку из московского центра правых. Далее, в области сельского хозяйства были нами проведена вредительская работа, следствием которой в потапанных районах экономические показатели были худшие, чем в тыловых районах.

Вышинский. А в области промышленности?

Шарангович. В области промышленности вредительство проводилось на таких объектах, как торф. Торф, как топливная база, для энергетики Белоруссии имеет очень большое значение и поэтому подрыв этой топливной базы вел к подрыву всех отраслей промышленности.

Далее, говоря о вредительстве, я должен остановиться на культурном фронте, потому что наша национал-фашистская организация придавала этому участку особое значение в тесных национальных республиках. На этом участке работало значительное количество участников нашей национал-фашистской организации. Это вредительство проводилось в целях компрометации национальной политики партии и советской власти.

Здесь вредительство шло и по линии школ, и по линии писательских организаций, и театра.

Вышинский. Значит, подготавливая вашу преступную вредительскую деятельность, можно сказать, что вы отказались социалистического строительства не остались вне вашей вредительской деятельности.

Шарангович. Совершенно правильно.

Далее, мы принимали и проводили как практическую задачу — террор: мы создавали террористические группы, готовили террористические акты, в первую очередь подготавливали террористический акт в 1936 году против Ворошилова, когда он проезжал в Белоруссию на маневры. Тогда были нами созданы две террористические группы. Наряду с этим здесь, в Москве, нами была создана группа, которая находилась в связи с белорусской национал-фашистской организацией и существовала на случай необходимости проведения террористического акта в Москве.

На вечернем заседании суд перешел к допросу подсудимого Розентальца. Ответив своему троцкистскому работнику с 1920—21 г.г., Розентальц сообщил, что связь его с Троцким возобновилась с помощью Крестинского в 1929 году. В 1933—1934 г.г. он дважды встречался за границей, в Австрии и в Карлсбаде, с Седовым, который передал ему директиву об установлении связи с правыми и с группой Тухачевского. Во исполнение этой директивы, говорит Розентальц, Крестинский и осуществлял систематическую связь с Тухачевским. Сам же Розентальц был связан с Рыковым и Рудутаком.

Рядом вопросов тов. Вышинский разоблачает некоторые умозаключения Розентальца. Выясняется, что еще при встрече с Седовым в Карлсбаде Розентальц получил от Троцкого указания о том, что контрреволюционный переворот следует приурочить к моменту военного нападения на СССР. Розентальц и Крестинский признают, что после ареста ряда участников заговора, в том числе Пятакова, Троцкий в одном из писем потребовал форсировать контрреволюционный переворот. Выясняется активная роль Крестинского в переговорах с Тухачевским по этому поводу, при чем Крестинский заявляет, что Тухачевский особенно торопит нас прижизненно, так как он сам «тиронуется». Троцкий требовал ответить на приговор по делу Пятакова террористическими актами против руководителей партии и правительства.

Тут же обнаруживается одно обстоятельство, проливающее свет на поведение Крестинского в первый день настоящего процесса. Крестинский сознается, что Троцкий в своем письме выражал недовольство по поводу откровенного признания Пятаковым на суде своей вины и требовал, чтобы заговорщики в случае ареста отрицали свою виновность.

Вышинский. Скажите, подсудимый Ходжаев, в чем вы себя признаете виновным? **Ходжаев.** Мои преступления против революции, против рабоче-крестьянского государства, против партии начинаются с 1920 года. В 1920 году я был поставлен во главе нового советского государства, — я говорю о Бухарской Народной республике, — во главе высшей ее исполнительной власти. Вот в этот период моей работы я примкнул к буржуазно-националистической организации — «милли интихара».

Вышинский. Что это значит? **Ходжаев.** Это значит «национальный союз», который ставит перед собой задачу превратить Бухарскую Народную республику в буржуазно-демократическую республику, как буржуазное государство между Англией и советской Россией. Я вошел в эту буржуазно-националистическую организацию и, как активный руководитель этой буржуазно-националистической организации, участвовал, руководил ее контрреволюционной, антисоветской работой. Это первый этап.

В 1925 году я был назначен председателем Совнаркома Узбекистана. Начиная с 1928 года, я сблизился с националистическими кругами бывшей Туркестанской республики, а в последующее время, в Узбекистане, в лице одного из руководителей компартии Узбекистана, в лице Икрамова, я нашел себе союзника и вместе с ним мы составили то ядро, которое вело в Узбекистане националистическую антисоветскую работу.

Наконец, третий этап — 1930 год, когда я в один из своих приездов в Москву, после деловой встречи с Рыковым в Совнаркоме Союза, беседуя на различные темы, договорился с ним о нашей совместной антисоветской работе.

Вышинский. То-есть?

Ходжаев. То-есть о совместной работе Узбекской националистической организации под руководством правых против руководства партии, против советского государства. Рыков тогда еще мне говорил о том, что в случае нашей совместной работы центр правых гарантирует независимость Узбекистана.

Вышинский. Что это значит — независимость Узбекской республики?

Ходжаев. В данном случае эту независимость от Советского Союза надо рассматривать, как зависимость от какой-то другой — капиталистической — страны.

Вышинский. Вы так понимали Рыкова?

Ходжаев. Да, я так и понимал.

Вышинский. А чем он мотивировал это?

Ходжаев. Мотивировка была одна — что и правые и мы, националисты, боремся против руководства партии, против советского правительства. Для того, чтобы правые достигли своих целей, для того, чтобы мы достигли своих целей, мы должны были сломать это руководство. В этих целях мы заключили союз. Значит, цель оставалась одна — свергнуть советское правительство, свергнуть руководство ЦК ВКП(б).

Вышинский. Ослабить СССР?

Ходжаев. Ослабить СССР, безусловно.

В заговорщическую организацию бухарских националистов после революции 1920 г. я пришел не случайно, а потому, что я был воспитан как националист. Большинство буржуазно-националистическое.

*) Сокращенная стенограмма.

Допрос подсудимого Ходжаева

ческой организации Бухары ориентировалось тогда на Англию. Разумеется, эти националистические круги в то время совершенно ясно представляли себе, что независимость от советской России, опора на Англию не могут обойтись так просто и не ради прекрасных газз будет Англия оказывать содействие. Они и тогда считали возможным принять протекторат Англии и под этим протекторатом отделиться окончательно от советской России. Вот в целях осуществления этой задачи мы тогда проводили целый ряд действий.

Мы систематически выгоняли из советского и партийного аппарата действительных членов партии, настоящих советских людей и занимали эти посты своими людьми. Свои кадры для этого мы формировали главным образом из буржуазной молодежи, обучали их не в советских школах, а посылали преимущественно за границу — в Германию, в Турцию.

Мы вместе с тем вели очень большую работу по организации вооруженных сил, так как мы не имели большого влияния в армии. Наши вооруженные силы мы формировали главным образом в виде милиции. Мы пытались использовать басмачество, которое к этому времени уже появилось в пределах Бухары. Мы пытались создавать новые кадры басмачества. Далее, когда в 1924—25 г.г. был поставлен вопрос о национально-территориальном размежевании советских республик Средней Азии, я был против этого размежевания. Но был открыт, против размежевания означало ставить тогда себя открытым врагом, на что я не мог пойти. Под лозунгом я под маркой сторонника национального размежевания оказался во главе Узбекского советского государства.

Вышинский. Значит, сдвинули?

Ходжаев. Сдвинули, двинули. В Узбекской парторганизации известна «группа 18». Организатором этой группы был я. Когда проводилась земельная реформа в целях наделения землей бедняцких слоев населения Узбекистана, в этот период значительно оживилась кулацко-басмачья верхушка. Кроме того, часть ответственных работников Узбекистана была недовольна этой реформой. Я использовал это недовольство и начал формировать группу узбекских националистов.

Вышинский. Это какой тол?

Ходжаев. Это, примерно, середина 1925 года. Мы рассчитывали в этом своем намерении тогда на одного из руководителей компартии Узбекистана Икрамова; рассчитывали, зная, что он в период 1918—20 г.г., будучи еще молодым человеком, участвовал в буржуазно-националистических организациях Туркестана.

Вышинский. В каких организациях?

Ходжаев. Это была пан-троцкистская организация, которой руководил Рыскулов. Но мы оказались битыми на сцене. После этого опыта мы решили заговорщически, подливая заявление, что мы ошибались, несправедливо поступали, что мы согласны проводить линию партии.

Вышинский. Второй раз сдвинули?

Ходжаев. Второй раз сдвинули. Между 1925—1928 годами, у меня происходило сближение с Икрамовым на почве практической работы. Икрамов работал в ЦК, я — в Совнаркоме. Это сближение привело к тому, что я узнал, что у Икрамова есть своя националистическая

группа, которая называется «милли интихара», что значит «национальная независимость». Мы с ним не то что обединились, но начали контактировать нашу работу.

Вышинский (Икрамову). Подсудимый Икрамов, вы были членом подпольной националистической организации в 1928 году?

Икрамов. Да. Эта организация называлась «милли интихара»?

Икрамов. Да. Под названием Бухарина и под непосредственным руководством Антипова мы сконтактировали работу двух националистических организаций.

Ходжаев. Я перехожу к более существенной части моего показания, которая относится к периоду 1928 г., то-есть к периоду составления первой пятилетки. Я не знаю, известно ли суду, что у буржуазных националистов, особенно в Средней Азии, существовала такая теория — организовать замкнутое хозяйство, то-есть сделать так, чтобы хозяйство республик развивалось независимо от других частей Союза. И вот эту теорию мы превратили в жизнь, то-есть мы составили первую пятилетку, которая шла вразрез с директивами союзного правительства и соответствовала установкам националистов на замкнутое хозяйство. Мы планировали хозяйство таким образом, чтобы меньше иметь хлопков.

Этот план был расшфирован в Москве. По инициативе Сталина был поставлен вопрос о пересмотре хлопковой программы. И для того, чтобы сломать эту новую директиву ЦК ВКП(б) и правительства, то-есть теорию одной культуры в сельском хозяйстве, как доминирующей культуры — хлопок. Для этого надо было разбить, разгромить севооборот, уничтожить луга, то-есть клевер, корма, вытеснить на полях земли не только пшеницу, ячмень, но и такую культуру, как рис. А это означало — вызвать колоссальное недовольство народа, потому что мы представляли дело так: план — московский, мы якобы, московские приказники, мы осуществляем директивы Москвы — «недовольство». Так, вот жалуйтесь на Москву». Эту задачу мы поставили. Мы планировали так, что, скажем, в Фергане — в основной хлопковой базе Советского Союза, в Бухаре — вторая по времени база, процент хлопководства доходил до 96—98 проц. Если у крестьянина 10 га земли, он должен на 8 га для на 9 га посеять хлопок. Если посеять, если один гектар остается на все остальное, то это хозяйство начинает гибнуть.

Это было сделано вполне сознательно нашей организацией, под моим руководством, под руководством Икрамова.

Вышинский. Подсудимый Икрамов, что вы скажете по поводу этих обещаний?

Икрамов. Я их полностью подтверждаю. Но я еще хочу дополнить. В этом деле нашими союзниками (договоренности не было, а было молчаливое согласие) были пропагандисты.

Председательствующий Ульрих. Подсудимый Ходжаев, продолжайте ваши показания.

(Окончание см. на 4 стр.)

ДНЕВНИК ВЕЧЕРНЕГО ЗАСЕДАНИЯ 4 МАРТА

— Может быть ваше поведение на суде два дня тому назад тоже было продиктовано вот этой директивой? — спрашивает Прокурор Крестинского.

В ответ слышится растерянное бормотание.

Продолжается допрос Розентальца. В конце марта 1937 года у Розентальца состоялось совещание с Крестинским в Тухачевском. Выясняется, что после ареста Ягоды, Крестинский систематически и упорно побуждал Тухачевского форсировать проведение контрреволюционного переворота.

Далее Розентальц показывает, что по его поручению, с помощью Седова и соответствующих иностранных фирм, Троцкому было передано до 300 тысяч долларов из фонда Экспортгеса. Финансовые каналы Наркомвнторга использовались также для передачи Троцкому 110 тысяч долларов ежегодно, не считая целого ряда других «взносов» на троцкистскую деятельность.

С циничным спокойствием материального рассказывает Розентальц о том, что еще в 1923 году по предложению Троцкого он передавал руководителю рейхсвера Германии генералу Секту сведения о советских военно-воздушных силах, а позднее и секретные сведения по внешней торговле. Розентальц проводил свою шпионскую работу систематически. Он проводил вредительскую работу в системе Наркомвнторга.

Суд переходит к допросу подсудимого Крестинского. Крестинский рассказывает, что вредительская его работа началась еще в 1921 году, когда он выступил в пене-гальном троцкистский центр в составе Троцкого, Пятакова, Серебрякова, Преображенского. Годом позднее, по поручению Троцкого, он заключил соглашение с генералом Сектом о постоянной денежной субси-

дии от рейхсвера троцкистской организации в обмен за передачу шпионских сведений. Соглашение выполнялось до 1926 года, когда рейхсвер сообщил об отказе от него, что оказалось лишь маневром для заключения нового, более выгодного рейхсверу соглашения. Троцкисты обещали систематически передавать шпионские сведения, а в случае захвата власти обеспечить интересы германской буржуазии. Таким образом, с 1923 по 1930 год троцкистская контрреволюционная организация получала ежегодно от рейхсвера 250000 германских марок.

При отъезде из Германии Крестинский договорился о том, что деньги следует вручать Путне, который был тогда военным атташе в Берлине.

В 1929 году, во время отъезда и лечения в Киссингене, Крестинский имел свидание с Седовым и получил указание Троцкого о необходимости для находящегося в Союзе ССР троцкистов подавать заявления об отказе от троцкизма, законспирироваться и действовать методами диверсионности. Несколько позже Троцкий потребовал перехода к террору, подготовки убийств руководителей партии и правительства. При свидании с Крестинским в Мераме Троцкий заявил, что власть можно захватить только силой, а так как силы троцкистской организации недостаточны, то нужно прибегнуть к помощи иностранных государств. Начало этому уже положено в дальнейшем соглашении с рейхсвером, по в условиях гитлеризации Германии это соглашение устарело. Фашистам нужна не только шпионская информация троцкистов, им нужны колонии. В случае прихода заговорщиков к власти нужны фашистской Германии будут удовлетворены за счет некоторой части территории Советского

Союза. Тогда же Троцкий заявил, что необходимо подготовить силы и внутри Советского Союза для предполагаемого захвата власти. Троцкий рекомендовал связаться с Рыковым, Бухариным, а также с Рудутаком и Тухачевским. Наконец, Троцкий потребовал развертывания террора, диверсий, вредительства. Во время этого же разговора в Мераме, Троцкий выражал недовольство тем, что Розентальц «в последнее время ничем себя не проявляет» и предлагал Крестинскому «активизировать» Розентальца.

О своих разговорах с Троцким Крестинский информировал Пятакова, Розентальца, Тухачевского и Рудутака. После этого «право-троцкистский блок» усиленно готовил контрреволюционный переворот. Этот переворот приурочивался к началу войны с Германией. В конце декабря 1936 года была получена директива Троцкого всемерно ускорить осуществление контрреволюционного переворота.

Из дальнейшего допроса Крестинского выясняется, что этот обер-подручный Троцкого сам входил в бандацкий центр «право-троцкистского блока», после того, как оттуда «выбыли» разоблаченные враги народа Пятаков, Зиновьев, Енукидзе, Рыков и другие. Крестинский так пытался проводить их изнутри дело, проектировал вместе с Тухачевским, Розентальцем, Гамарником террористические акты и контрреволюционные выступления. Но органы ЦКВД своевременно оборвали эти планы, вражеские машины. Обер-подручный Троцкого был арестован.

Теперь он держит ответ по всей совокупности своих худших дел. На этом допрос подсудимого Крестинского заканчивается.

В конце вечернего заседания суд приступает к допросу подсудимого Рыковского.

*) Сокращенная стенограмма.